

Анна Чиж-Литаиш

РОДНЯ

Священнее матери и отца лишь Бог

Анна Чиж-Литаш

Родня

«Четыре четверти»

2018

Чиж-Литаш А.

Родня / А. Чиж-Литаш — «Четыре четверти», 2018

ISBN 978-985-581-190-0

Полковник Виноградов расследует убийство родных дяди и тёти. Улик нет. Из украденного лишь старый семейный портрет. Как раскрыть преступление, когда подозреваемые твои родственники? На этот раз не дедукция, а психология и жизненный опыт становятся главными методами расследования сыщика.

ISBN 978-985-581-190-0

© Чиж-Литаш А., 2018
© Четыре четверти, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Чиж-Литаш

Родня

© Чиж-Литаш А., 2018

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2018

Глава 1

«Даже снег не может покрыть всё. Когда он тает, всё вновь окрашивается в прежние тона».

– Едут! Ура! – с неподдельной детской радостью прокричал полковник. – Завтра будут в Минске.

Александр Петрович небрежно бросил телефонную трубку на диван и, схватив Аллу Владимировну, которая отвлеклась от жарки котлет и зашла посмотреть, чему так радуется супруг, закружил её в энергичном вальсе.

– Что случилось? – спотыкаясь в домашних тапочках, спросила она.

– Владик с семьёй завтра приедет к нам в гости! Представляешь, впервые за четыре года!

– Событие так событие! Витебск ведь находится рядом с Чукоткой!

– Алчонок, не будь злоюкой! Это ведь так здорово, когда вся семья в канун Нового года соберётся за одним столом.

– Я не хочу быть, как ты выразился, злоюкой, но где это видано, чтобы родной сын ни разу за четыре года не навестил родителей! – Алла Владимировна пыталась высвободиться из объятий мужа. – Этому нет оправдания!

– Я и не спорю. Наоборот, полностью согласен с тобой. Но, может, на этот раз встреча закончится хорошо и в семье наступит мир! – полковник мечтательным взглядом смотрел на жену.

Алла Владимировна посмотрела на супруга так, как смотрят на шестилетних детей, которые ещё не спотыкались о камни разочарований и невзгод, продолжают верить в Деда Мороза и думают, что жизнь – это большой шоколадный торт.

– Милый, я понимаю, что у тебя нет родных братьев и сестёр, от того ты и тянешься так к родне, но пойми же ты, наконец, что кроме тебя это больше никому не нужно!

– Это не так... – неуверенно ответил полковник. – Помнишь, как здорово мы проводили время в молодости?

– Это было в молодости! Мы тогда были беспечны и юны, и толком не понимали, что такое жизнь. Сейчас совсем другая история. Извини меня, дорогой, но твой двоюродный брат приезжает только тогда, когда ему что-то нужно. Поэтому я не удивлюсь, если он погостит у родителей день-другой и уедет домой, – она пристально посмотрела на мужа, который, опустив глаза в пол, молчал. – Когда они планируют навестить родителей?

– Сразу после нас, – нехотя ответил он. – Влад сказал, что, к сожалению, сможет задержаться у них всего на два дня.

– Я угадала эту мелодию с первых нот! – хлопнув в ладоши, сказала Алла Владимировна. – И поверь, к тебе он едет не от большой любви, а лишь для того, чтобы ты помог решить его проблемы.

Полковник молчал.

– По-моему, я и здесь попала в точку!

– Не совсем. Они хотят прикупить кое-какую технику и... – Виноградов тянул время.

– И?

– И попросили, чтобы я сводил их к целителю или к экстрасенсу, – полковник стыдливо смотрел на супругу.

– Мне не послышалось? – Алла Владимировна от удивления не могла найти подходящие слова. – Подожди, у них что-то случилось? Кто-то болен?

Полковник вновь потупил глаза в пол.

– Тьфу-тьфу! Никто не болен, просто они хотят почистить, как бы это сказать... – полковник пытался подобрать нужные слова, – почистить душу... Карма у них какая-то испачкалась. Вот. Кстати, Алла, ты не знаешь, что такое карма?

Супруга пропустила вопрос мимо ушей.

– Почистить душу? Это как? Достать её, вынести на белоснежный снег и хорошенько выбить, как грязный ковёр? Или постирать в стиральной машине? – Алла Владимировна сыпала аллегориями. – Ты извини меня, дорогой, но, наверное, я что-то пропустила в этой жизни.

– Я и сам толком не понял. Просто я как-то говорил Владику, что у меня есть один знакомый целитель. К нему приезжают со всего мира люди. Вот он и попросил свести их.

– Душу почистить! – не унималась супруга. – А может, нужно просто жить по совести? Может, нужно хотя бы раз в неделю звонить родителям? Или приезжать к восьмидесятилетним старикам чаще, чем раз в четыре года? Может, тогда и не придётся душу чистить?

Александр Петрович кивал.

– Я просто хочу, чтобы родня была родней, а не просто словом! Мы же родные люди, грех не общаться! Ты пойми, Алла, мне сосед по лестничной площадке стал роднее, чем двоюродный брат! У меня кроме его семьи никого нет! Родители умерли, родных братьев и сестёр нет, только они! Не смотри на меня так, вы – отдельный разговор! Вы – святое. Я говорю про родню.

– Саша, Саша, я не перестаю удивляться тебе и одновременно влюбляться в твою неподдельную детскую искренность и доброту. У тебя огромное сердце и душа, как океан, у которого нет берегов, – она с любовью в глазах смотрела на мужа. – Просто пойми, не все хотят быть семьёй, как ты! Для кого-то семья – это обуза. Создать семью и идти с ней по жизни – огромный труд, а, как ты сам знаешь, твоих родственников трудягами не назовёшь. Прости... – Алла Владимировна крепко обняла супруга и вышла из комнаты, – котлеты сгорят, – из кухни крикнула она.

Александр Петрович стоял посреди большой гостиной и обдумывал сказанное. Он знал, что супруга права, и под каждым её словом мог подписаться, но вера в лучшее жила в нём с детства, особенно когда за окном выпадал снег. Полковник надеялся, что снег всё покроет... И обиды, и зависть, и злость. К сожалению, некоторые поступки людей были неподвластны ни снегу, ни чародею, ни молитве.

Глава 2

«Лучше быть трижды бедным монетами, чем нищим душой и разумом».

Тёмно-синий внедорожник пытался припарковаться под окнами дома Виноградова. Новенькая «БМВ» выписывала пируэты, стараясь втиснуться между стареньким «Рено» и умирающей «Тойотой».

Владислав Филиппов был невероятно горд новой покупкой. Полгода он трудился не покладая рук, ремонтируя вместе с супругой четырёхколёсных доходяг. На зарплату Владислав никогда не жаловался, он умел зарабатывать деньги. И даже в кризисное время умудрялся плыть против течения и не тонуть в долговых ямах.

Помогая супруге доставать вещи из багажника, он с жалостью посмотрел на дом двоюродного брата.

«Бедный братец, он так и не сумел ничего заработать в этой жизни, – разглядывая светящиеся разноцветными огоньками окна дома, размышлял Филиппов. – Столько служить. Ради чего? Ради пенсии в три копейки и десятка орденов. То ли дело я, – ласково поглаживая капот машины, думал он. – Сто штук. Но оно того стоило. Может быть, столицу таким автомобилем не удивишь, но в Витебске каждый знает, чья это машина».

Наталья Васильевна Филиппова изначально считала эту поездку утомительной и бессмысленной. Общение с родственниками вызывало у неё приступы головной боли, которые почему-то всегда заканчивались температурой и больным горлом. Ни слякотная погода, ни витающая в воздухе ОРВИ не были виноваты в её недуге. Родня для неё была вроде аллергена. Поэтому единственным противоаллергенным лекарством были алкоголь и целая коробка неизвестных простому человеку трав, крупинок и таблеток. С этой чудо-табакеркой Наталья Васильевна не расставалась никогда. Нестандартным методам лечения от всего-всего Наталью обучила её дочь Ксения, которая уже девятый год не могла окончить медицинский и удостоиться гордого звания «доктор».

Ксения с детства считала, что послана на эту планету, чтобы творить добро и спасать людей, даже если они её об этом не просят. Поэтому мечась в выборе профессии: от учителя к волонтеру, от ветеринара к врачу, Ксения подала документы в медицинский. Родня ликовала: доктор дома – это замечательно. Старики надеялись на внимание внучки, тётки и дяди – на практический совет, родители – на скорую помощь от дочери. К сожалению, надеждам родственников не суждено было осуществиться. Когда очередной учебный год внучки не увенчался успехом, бабуля с дедулей решили стать на учёт в местную поликлинику, а родители, наконец-то, заглянуть в зачётную книжку дочери.

За время учёбы Ксения поняла одно: медикаментозные способы лечения – прошлый век. Будущее за биологическими добавками, коралловой водой и сушёными травами. Девушка была на-столько убедительна, что вскоре всё семейство стало поклоняться воде, упаковками жевать капсулы под названием «Здоровых дух в одной таблетке», а на полдник вместо молока и пряника перекусывать зёрнами льна и корешками алое.

Новая вера поселилась в их доме. Это касалось не только еды, но и религии. Стараясь очиститься от плохой энергетики, семья Филипповых перепробовала всех витебских колдунов, экстрасенсов и даже психиатров. Но так и не обретя покой, семейство упаковало чемоданы и приехало искать лекарство от недугов в столицу, однозначно решив начать новый год с новой жизни и с положительной энергетикой.

Для Ксении понятие «родственники» было чем-то абстрактным, не носившим важной информации. Девушку больше интересовали местные энергетические клубы, магазины с

амулетами и оберегами от всех болезней. В общем, вся та ерунда, которой подростки переболевают в шестнадцать лет. Родители уже многие годы практически не общались с родственниками, огородив от кровной любви и родную дочь. Поэтому тёплых чувств к своим дяде, тёте и сёстрам Ксения не испытывала.

– Папа, я всё правильно записала? – она достала из кармана записку и прочитала имена.

– Да, только я просил тебя выучить это наизусть! Ты же не будешь доставать шпаргалку из кармана каждый раз, когда захочешь обратиться к своей тёте или сестре?

– Не повышай на неё голос, – встряла мать, – для неё это просто набор букв, а не родня. Где были все эти люди на протяжении её жизни? Кто-нибудь интересовался её судьбой? Вот-вот! Поэтому нет ничего удивительного, что она не помнит их имена!

Дочка самодовольно улыбалась и кивала головой в такт маминым словам. Она знала, что мать всегда её поддержит, будь даже она тысячу раз не права. Именно поэтому двадцатилетняя девица так и не научилась до сих пор мыть посуду, варить кашу и стирать свои колготки.

– Дядя Саша, тётя Алла, Настя и Оля, – прищурился один глаз и нахмурился брови так, что на лбу образовались складки, вслух проговаривала Ксения. – Всё правильно?

– Да, только Оля с семьёй живёт в Санкт-Петербурге. Дома тебя ждёт Настя, это твоя троюродная сестра!

– Бред какой-то! Троюродная сестра! Какая она мне родственница? В ней три капли моей крови!

Если бы Настя только могла представить себе, какая встреча состоится буквально через несколько минут, она с радостью сцедила бы эти три капли крови назад своей сестре, только бы не именоваться больше с ней родственниками.

Перед входом в подъезд Ксения бросила сумки в кашу грязного снега и, закинув ногу на поручень, предназначенный для детей, вытерла прилипший снег с песком с подошвы ботинок.

– Па, ну возьми сумки! Тяжело же! Мне ещё рожать! – сказала она.

Владислав Иванович под прицельным взглядом супруги поднял сумки и, затаскивая их в подъезд, подумал о том, что вряд ли он когда-нибудь дождётся внуков. Так как для начала нужно было выдать это лохматое сокровище за кого-нибудь замуж.

Остановившись на секунду, он ещё раз взглянул на дочь, которая шла належке и не придерживала дверь родителям. Он грустно вздохнул, осознавая, насколько точно предсказал будущее единственной кровиночки.

Лифт неспешно путешествовал по этажам, то и дело останавливаясь и подбирая новых пассажиров. Ксения нетерпеливо трясла ногой, периодически постукивая новым сапожком по свежескрашенной стенке подъезда. Лифт как будто испытывал терпение долгожданных гостей, сделав очередную остановку на втором этаже.

«Убогенько, – осматриваясь по сторонам, думала Наталья Васильевна, – чувствую, это будут ещё те выходные! Если бы не этот именитый экстрасенс-целитель, ноги бы моей не было в этом грязном городе. Всё ради дочери!» – она с любовью посмотрела на Ксению.

– Мам, глянь, у них занавески на дверях в подъезде, – выйдя из лифта, с пренебрежением сказала Ксения, – вот людям заняться нечем! Только лишнюю пыль собирают, а мы потом этим дышим! Ты ведь всегда говорила, что всё это лишние пылесборники!

– Дорогая, это они повесели ради красоты! Надо же хоть чем-то скрыть убогость этого жилища. А теперь закрой свой ротик и надень улыбочку. Вот их дверь, – она легонько потеребила дочь за щёки, заставляя её улыбнуться.

Александр Петрович поправлял воротник рубашки перед зеркалом. В честь приезда брата он заставил нарядиться всё семейство. Алла Владимировна нехотя надела скромное чёрное платье, дополнив образ жемчужным ожерельем на тонкой нитке. Насте идея с переодеванием тоже не пришлась по душе. Сперва выразив ярый протест, она всё-таки сдалась, уступив просьбе любимого отца.

– Мои дорогие девочки, – выливая на себя остатки своего любимого одеколona «Дагер», сказал он, – для меня эта встреча – долгожданное событие. Я знаю, что вы у меня умницы, но всё же хочу попросить вас быть гостеприимными и внимательными к нашим гостям.

– Дорогой, не переживай, – Алла Владимировна ласково погладила мужа по плечу, – всё будет хорошо, даже не сомневайся.

Александр Петрович с нежностью посмотрел на жену. Его глаза, наполненные теплом, выражали благодарность.

– А вот и они! – Виноградов поправил выбившийся ус специальной расчёской и подошёл к двери. Его сияющая улыбка осветила тусклый лестничный коридор. – Здравствуй, мой дорогой! – полковник сжал в объятиях двоюродного брата, словно это был самый родной для него человек.

Владислав был растерян. Очевидно, что он не ожидал столь радушного приёма.

– Как же я рад вас всех видеть! Сколько лет прошло с последней встречи? Четыре года, а может быть и больше...

– Где-то так, – Владислав стыдливо потупил глаза. – Я надеюсь, ты помнишь мою семью?

Наталья и Ксения стояли позади него, с высокомерием разглядывая довольно скромное, но в то же время уютное жилище полковника.

– Конечно, помню, – распахнув руки, готовые к новым объятиям, сказал Александр Петрович и сделал шаг навстречу родственникам, – Наташа, ты как всегда прекрасна!

– Знаю, знаю, но всё равно приятно! – без ложной скромности ответила она.

– Ксюша, как ты выросла! Встретил бы на улице – не узнал. Красавица! – полковник искренне рассыпался в комплиментах.

– Спасибо, дядя Саша. Здравствуйте, тётя Алла, – она нехотя махнула рукой в сторону хозяйки дома.

Алла Владимировна, поняв, что радушных объятий ждать не стоит, спрятала удивление и добродушно улыбнулась в ответ. Настя стояла позади, лишь наблюдая за дальними родственниками, которые не обращали на неё внимания.

– Настенька, ты так изменилась, – наконец сказала Наталья Васильевна, – то ли поправилась, то ли выросла. А что это у тебя на лице? Аллергия?

– И вам здравствуйте, тётя Наташа, – Настя сглатывала подступающее к горлу раздражение, повторяя про себя просьбу отца. – Как добрались? Вы так долго не приезжали, наверное, было много работы?

– Ты знаешь, да, – бросив норковую шубку на пол в коридоре, сказала она, – кто работает, тот ест! Вот насобирали на новую машину, Ксюше квартиру купили. В этом году планируем открыть ей бизнес, – она провела пальцем по семейному портрету, висевшему посреди гостиной. – А ты так и гоняешь алкоголиков и бомжей по улицам?

– У вас довольно узкое представление о работе современной милиции, тем более уголовного розыска. А вообще, всякого хватает, – снова проглотив обиду, ответила Настя.

Буквально через несколько минут после приезда гостей прихожая превратилась в складское помещение магазина: сумки, пакеты, одежда валялись прямо на полу. Ксения, в поисках зарядного устройства, перевернула все сумки. Небрежно доставая вещи, она ком-

кала их в руках, а затем в таком же виде клала назад. Проходящая по коридору Настя, увидев эту сцену, остановилась и, открыв рот, смотрела на сестру.

– Куда же я засунула это зарядное? – вытряхнув содержимое очередной сумки, сказала она.

– Может быть, ты положила его в свою сумочку? – не выдержав, встряла Настя. – Это логично, такую вещь всегда кладёшь близко, чтобы она была под рукой.

– Не, я редко пользуюсь мобильным телефоном, он вреден для меня.

– Вреден? – Настя была заинтересована.

– Ну да, он загрязняет моё энергетическое поле. Я человек добра, поэтому не могу накапливать в себе отрицательную энергию, а мобильный телефон – источник отрицательных импульсов.

Настя, выпучив глаза, уставилась на сестру.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет. Я говорю абсолютно серьёзно. Ничего, мы с тобой познакомимся поближе и я тебе всё расскажу.

Настя в ответ лишь кивнула головой и принялась искать свой телефон:

– Нужно срочно позвонить на работу. Парочка суточных дежурств мне определённо не помешает.

Глава 3

«Человек ополоумел от лени и глупости».

Запахи с кухни пропитали не только квартиру, но и кирпичные стены многоэтажки. Ароматы воздушного пюре на кипячёном молоке, жареных котлет с золотистой корочкой, сочной свинины, до блеска натёртой горчицей, а также квашеной капусты, заправленной лучком и маслом, – вызывал у постояльцев квартиры обильное слюноотделение. Алла Владимировна, как истинная кудесница, творила кулинарные шедевры: простые и знакомые до каждого ингредиента и одновременно сложные, до конца не постигнутые всеми хозяйками. Сложность таких блюд заключалась лишь в одном ингредиенте – щепотке любви. К сожалению, современные хозяйки стали редко добавлять её в блюда, всё чаще готовя наспех и прибегая к помощи всемирной паутины, где коротко и ясно рассказано, как быстро и вкусно накормить своего супруга вкуснейшим салатом «Черчервиль» с черносливом и креветками или облагородить его пищевод куском мяса, запечённым под йогуртом и сыром. О, бедные мужчины и их несчастные животы!

Алла Владимировна была образцом женщины. Она с лёгкостью могла бы давать уроки по домоводству и кулинарии. Идеальный порядок присутствовал во всём: будь то полотенца, сложенные ровными стопочками в шкафу, или овощи, рассортированные по специальным ящикам на кухне. Ни пылинки, ни соринки. Даже самая дотошная свекровь, втихаря проводя пальцами по ободку картины в деревянной раме в надежде найти там залежи пыли, не смогла бы упрекнуть её в неряшливости. Александр Петрович был уверен, что жена обладает сверхспособностями, умудряясь работать, выпекать рогалики и поддерживать идеальную чистоту в доме. А также не забывая заботиться о муже, дочерях, подругах и находя время на собственные увлечения.

Ксения сидела за столом и с искренним интересом наблюдала, как Алла Владимировна накрывала на стол, одновременно доваривая на плите картофель, контролируя мясо в духовке, мою посуду и расставляя тарелки на столе.

– Я восхищаюсь вами, тётя, – выплёвывая скорлупку от семечки в ладошку, сказала она.

Алла Владимировна повернулась к племяннице и с грустью посмотрела на свою любимую белоснежную скатерть: осколки скорлупы одна за другой падали на расшитые кружева. Она прикусила губу и отвернулась к плите.

– Где вы всему этому научились?

– Не знаю, жизнь сама научила.

– Как интересно сказано, – растягивая звуки, сказала Ксения. – Моя мама так не умеет.

Алла Владимировна вопросительно посмотрела на собеседницу.

– Она вообще ничего по дому не умеет. Папа называет её криворукой, – она засмеялась. – Знаете, а ведь я тоже ничего не умею. Это всё мама виновата. Она меня ничему не научила. Я имею в виду домашние дела.

Алла Владимировна застыла с ложкой в руке.

– Мама считает, что не стоит растрчивать жизнь на подобную ерунду, – она ковыряла ногтями семечку, пытаясь вскрыть её на сей раз пальцами, а не зубами. Семечка под натиском не выдержала и с треском разлетелась по всему столу, украсив греческий салат и бутерброды с красной рыбой.

Алла Владимировна с ужасом посмотрела на стол.

– Ой, – нервно хихикнула Ксения, – я сейчас всё уберу, – перегнувшись через стол, она попыталась дотянуться пальцами до салатницы.

– Не надо! – крикнула Алла Владимировна. – Я сама! – она вспомнила, что племянница так и не помыла руки после приезда. – Ты сиди, отдыхай. Только поаккуратнее, пожалуйста.

– Ой, Аллочка, прости. Я не удержалась и прилегла с дороги. Машина всегда так утомляет меня, – Наталья Васильевна томно потягивалась в дверном проёме. – А ты, как всегда, хлопчешь по хозяйству. О, семечки! – она удобно устроилась на стуле, подогнув под себя ноги. – А где твоя помощница?

– Настя побежала в магазин за хлебом. Закрутились, вот и забыли самое главное купить.

– Мучное – это зло, – со знанием дела сказала Ксения, – вот это всё, конечно, красиво, – она показала рукой на стол, ломящийся от еды, – но вы зря старались, тётя Алла.

– Почему? – удивлённо спросила она.

– Мы не едим мясо и мучное, правда, мама? – командным голосом спросила Ксения.

– Ты не ешь, а я ем по праздникам!

– Ты же обещала больше не прикасаться к этой грязной еде, – с вызовом сказала она.

– Доча, не мели ерунды.

– Ах так! Можешь больше ко мне за советом не приходите! Твоё энергетическое поле никогда не будет чистым, пока ты ешь мясо.

– Кто это тут не любит мясо? – Настя вошла в кухню с буханкой «Нарочанского» в руках.

– Я пытаюсь донести до мамы, что эту собачью еду есть нельзя!

– Собачью? – Настя достала из духовки запёкшуюся в фольге свинину. – Интересно, какие это собаки так питаются?

– Ты прекрасно поняла мою аллегория, – усмехнувшись, ответила Ксения, – посмотри на меня, я чиста и стройна. Во мне нет зла!

«Как и мозгов», – подумала Настя.

– Наше энергетическое поле ежесекундно подвергается опасности. А кладя в рот очередной кусок мяса, мы сами роём себе яму!

– Ты сама слышишь себя? Кто забил тебе голову этим мусором? Ты молодая девушка, тебе нужно сохранить своё здоровье. Тебе ещё детей рожать, а ты мясо не ешь, зато горстями кладёшь в рот какие-то пилюли. Тётя Наташа, ну вы куда смотрите?

Услышав своё имя, Наталья Васильевна поперхнулась семечкой. Ксения несколько секунд смотрела на кашляющую мать, затем постучала по её спине кулаком.

– Она взрослый человек и сама решает, как ей жить, – философски размышляла она.

– Ксюша, ну ты же будущий врач! Кстати, ты закончила университет?

– Почти. Я брала академический отпуск.

– Зачем?

– Я ездила в Алтайский край со своим учителем.

Настя приподняла брови.

– С учителем? С каким учителем? Физкультуры или географии?

– Да нет же. С моим наставником Лаврентием. Он учит меня видеть четвёртое измерение.

– Ничего себе. У меня сразу два вопроса: а ты видишь третье? И разве этому можно научиться?

– Конечно. Спроси у мамы, если ты мне не веришь.

Настя вопросительно посмотрела на Наталью Васильевну. Та увлечённо плевала семечки и, казалось, не слышала этого разговора.

– Тётя Наташа, ау, – повторила она.

– Могу сказать одно: Ксюшенька очень способная, – она растягивала слова. – А давайте кушать! Где наши мужчины?

«Да уж, способная! В двадцать шесть лет учиться на четвёртом курсе. Девять лет коту под хвост!» – размышляла Настя. Она пристально посмотрела на троюродную сестру.

Колготки, затянутые под грудь, мешковатый старый свитер, растрёпанные и который день не видевшие шампуня волосы, отсутствие косметики – издали незнакомцу могло показаться, что это четырнадцатилетний пацанёнок. Ксения не обладала ни вкусом, ни желанием этот вкус приобрести. Её полностью устраивала её жизнь, со всеми трудностями и приключениями. Трудностями она считала отсутствие нужного амулета в магазине, а приключением – транспортировку старушки на другую сторону улицы. Ксения была убеждена, что она послана на эту землю, чтобы творить добро. Как именно его творить, она ещё не знала, но с пеной у рта доказывала всем своё призвание.

– То, что ты называешь призванием, на самом деле – норма у воспитанного человека, – Настя снова вступила в спор с сестрой. – То, что ты перевела бабушку через дорогу или покормила бездомного кота – это, безусловно, хорошо, но только из-за этого ты не можешь называть себя человеком добра. Такие вещи делают все люди, у которых под рубашкой не сухарик, а сердце, – Настя не унималась.

Ксения глазами метала молнии.

– Я на следующий год планирую благотворительную поездку по деревням. Мы с друзьями будем собирать вещи, продукты, технику и развозить малоимущим, – она с вызовом посмотрела на Настю.

– А степень материального благополучия вы будете определять по фасаду домов или заборов?

Диалог был прерван вошедшими в кухню мужчинами.

– Алчонок, ароматы сбивают с ног. Я такой голодный! Брат, вот твоё почётное место, садись, – полковник указал рукой на стул во главе стола.

– Дядя, гордитесь! Нам он не разрешает сидеть на этом стуле, – Настя поставила рядом с ним тарелку с горячим пюре и свининой.

Владислав Иванович равнодушно плюхнулся на стул, не оценив широкого жеста брата. Помимо встречи со знаменитым целителем, для него эта поездка была исключительно формальной. Родителей он не видел много лет, в принципе, как и всю родню. Владислав и раньше был нечастым гостем как в Минске, так и на родине, в Мозыре. А после последней ссоры и вообще думал забыть туда дорогу. Даже спустя четыре года он не простил родителей. Решение переписать дом на дочь стало для него унижением. Никто даже не предложил ему долю и не обсудил с ним это решение.

– Ну и что, что сестра ухаживает за родителями, ты такой же законный наследник, как и она, – как молитву перед сном, ежедневно повторяла Наталья Васильевна. – Ты обязан высказать им своё мнение. Как они могут так поступать с нами? Точнее, с тобой.

Слова эхом зазвенели у него в памяти. Может, родители и были правы? Может, зря столько лет он не переступал порог родительского дома? Вопросы один за другим всплывали у него в голове. Ведь Юля действительно сутками заботится о стариках. Да, пусть раньше она не была близка с ними, но сейчас её поведение заслуживает уважения.

– Влад, расскажи нам о ваших двухдневных планах в столице.

Услышав своё имя, он вздрогнул, как будто его вырвали из полудрёмы.

– Завтра ты нас отвезёшь к Зеленеvскому, я правильно назвал фамилию?

Полковник кивнул.

– Надеюсь, он и правда так хорош, как о нём говорят! Откуда ты его знаешь?

– Светла судьба по службе.

– Ясно. А потом заскочим к родителям в Мозырь на два-три дня.

– Два-три дня, – повторил Александр Петрович, – немало ли времени оставляешь на встречу с родителями?

– Ты же сам понимаешь, бизнес, – откусывая сочный кусок запечённой свинины, сказал Влад, – надо ехать домой.

Ксения с отвращением посмотрела на отца, как будто он ел живую свинью, медленно отрезая от неё то ухо, то ногу.

– Что-то ты за четыре года так и не нашёл времени, чтобы погостить у родителей. Они ведь тебя ждут... – полковник с грустью посмотрел на брата.

Слова не тронули Владислава. Он никогда не испытывал к родителям тёплых чувств. Он не звонил им по вечерам, беспокоясь, как их здоровье. Супруга всегда говорила, что его семья – это она и Ксения, а все остальные – ненужное приложение.

– Они к нам не тянутся, почему ты должен им помогать? – изо дня в день повторяла она.

Но в глубине души он боялся этой встречи. Боялся посмотреть в бездонные голубые отцовские глаза. Боялся осудительного и одновременно жалобного взгляда матери. Боялся, что после четырёх лет он собьётся со счёта, пытаясь сосчитать морщины на лицах родителей.

– Давайте выпьем за встречу! – так и не ответив брату, сказал он.

Все одновременно подняли бокалы и рюмки. От прикосновений хрусталь зазвенел, и внезапно родившаяся мелодия разлетелась по уютной и светлой кухне.

Глава 4

«Не всем нужна правда. По сути, она вообще никому не нужна».

Наталья Васильевна открыла глаза. Часы показывали начало восьмого. На улице было темно, и лишь отблески одинокого фонаря освещали утренним путникам дорогу, одновременно подсвечивая окна квартир. Поднявшись с кровати, Наталья надела джинсы и свитер. Споткнувшись о сумку, валяющуюся на полу, она издала жалобный крик.

– Вот чёрт! – она пнула её ногой. – Влад! Почему ты не убрал вещи? Я же просила!

Супруг приоткрыл один глаз и с удивлением посмотрел на жену.

– Что ты хочешь?

– Посмотри, какой бардак!

Сумки, пакеты и даже дублёнки валялись на полу. Не удосужившись убрать вещи на место, она перешагнула через них, недовольно бубня себе что-то под нос.

Квартира Виноградова уже жила полной жизнью. Чайник пыхтел, периодически издавая жалобный свист, стиральная машинка второй час трудилась, деликатно стирая рубашки хозяина, а плита только и успевала разогревать конфорки для утренних блюд. Постояльцы квартиры тоже не спали. Александр Петрович аккуратно выглаживал стрелки на любимых чёрных брюках, Настя впопыхах завтракала на кухне, собираясь на работу, Алла Владимировна готовила завтрак для остальных.

Наталья Васильевна, натянув улыбку, зашла на кухню.

– Доброе утро, – взлохматив и так нечёсанные волосы, сказала она.

– Доброе утро, Наташа. Ванна свободна. Завтракать будешь?

– Буду, – забравшись с ногами на стул, ответила она, – глазунья и кофе с печеньем, как это по-домашнему, – с лёгкой иронией в голосе сказала она.

Дверь на кухню снова открылась. Заспанная, с еле открытыми глазами, Ксения потягивалась в дверях.

– Ненавижу утро, – хриплым голосом сказала она. – Мама, зачем вы меня тянете к этому целителю? Я думаю, сон повлияет на меня более благотворно, чем этот непонятный дед.

– Закрой рот и садись завтракать, – строго сказала Наталья. – Мы собственно из-за тебя сюда припёрлись за триста километров. Подумай, наконец, о своём здоровье. Ты же на грани!

– Ой, мама! Не говори ерунды! Это вы с папой на грани! Меньше пейте коньяка и ешьте мяса! Тогда и ваша энергетика будет чиста! А так и без экстрасенса понятно, в чём ваши проблемы!

От возмущения Наталья Васильевна вытаращила глаза так, что казалось, они вот-вот выпадут и покатаются по столу. Настя с Аллой Владимировной, замерев, наблюдали за происходящим. Ксения не обращала ни на кого внимания. Она с жадностью намазывала на ломоть батона масло, забыв, что не ест мучное.

Кульминация разговора так и не состоялась. Наталья Васильевна решила промолчать и вечером один на один хорошенько отчитать дочку. Позавтракав в тишине, всё семейство направилось к выходу, так и не удосужившись посетить ванную комнату.

Захлопнув за Филипповыми дверь, Алла Владимировна с облегчением вздохнула. Но, как оказалось, рано. Оглядевшись по сторонам, она обречённо опустила руки: всё было перевернуто вверх дном. Кровати не заправлены, вещи валялись по всем углам, разбросанная по столу косметика, помятая одежда, торчащая из сумок, – Алла Владимировна схватилась за голову.

– Лень – страшный грех, – сказала она и аккуратно сложила валявшийся на полу свитер Ксении.

– Отстаньте от меня! – Ксения ворвалась в квартиру, как вихрь. – Вы слушаете какого-то дурака, а мне не верите! Со мной всё в порядке! Я здорова!

В дверях показались Владислав и Наталья. Александр Петрович зашёл в квартиру последний. На вопросительный взгляд супруги он лишь развёл руками:

– Дела семейные. Пока не попросят, не вмешиваемся.

– Золотое правило. Если бы все о нём помнили – ссоры сошли бы на нет. Что-то серьёзное?

– Ксения поругалась с целителем. Начала доказывать ему, что он не прав. А тот поставил ей какой-то серьёзный диагноз! Вот они и хотят, чтобы она походила к нему на сеансы, очистилась, так сказать, – Александр Петрович поочерёдно поднимал крышки кастрюль, изучая содержимое. Облизнувшись, он несчастными глазами посмотрел на супругу.

– Поняла, поняла. Уже собираю на стол! – улыбнувшись, сказала она.

– Кстати, Владу и Наташе он тоже поставил диагнозы. Наташа чуть ли ни одной ногой в могиле.

– Какой кошмар! – Алла Владимировна замерла с черпаком в руке. – И что делать?

– Будут ходить на эти сеансы. Он им должен что-то там почистить, – Александр Петрович улыбался. – Я в это всё не ахти как верю. Ты знаешь, мой девиз: живи по совести и по чести! Тогда и к целителям бегать не надо. А если ты к матери приехать на выходные хотя бы раз в квартал не можешь, то о чём говорить! Я ему намекал: мол, брат, ты не там ищешь, но он меня не слушает. Твердит, как мантру, что его сглазили, что энергетика плохая. В общем, чушь! – полковник сел за стол, нетерпеливо стуча ложкой.

– Ты не будешь всех ждать?

– Они надолго! Ты что, не слышишь?

Из комнаты доносились взволнованные голоса родителей и истерические возгласы дочери. Александр Петрович обмакнул усы в только что приготовленный рассольник.

– Вот оно, счастье! Суп, сметана, хлеб и Алчонок, – он с аппетитом отправлял ложку за ложкой в рот. – А они чем занимаются? Ерундой, одним словом, ерундой!

Глава 5

«Священнее матери и отца лишь Бог».

На улице только начинало светать. Первые лучи солнца пронзали облака, стараясь обогреть замёрзшую землю. Декабрь полноценно вступил в свои права. Сугробы по колению, шапки снега на макушках деревьев и электрических столбах, и сосульки, как гирлянды, ровными рядами висят по периметру дома.

Иван Фёдорович сидел на крыльце и курил сигарету. Табачный дым не грел его, но кружась вокруг лица, создавал иллюзию тепла. Потёртая телогрейка уберегала его немощное тело от морозов уже лет пятнадцать, а то и все двадцать. Он проснулся около пяти утра. Ночной сон был прерывистым и тревожным. Иван Фёдорович ждал этого утра уже четыре года. Каждый день он просыпался в надежде, что, возможно, именно сегодня придет его блудный сын. И вот этот день настал.

Запахнув посылнее телогрейку, Иван Фёдорович снова потянулся за сигаретой. Он давно так сильно не волновался.

«А вдруг сын зайдёт в дом и не улыбнётся, – размышлял он, – или не спросит “как дела?”, или внучка не узнает меня? – он замер с сигаретой в руке. – Сколько лет она не приезжала к нам? Десять или двенадцать? Эх, родители, сами не зная, вы согрешили так, что не отмолитесь».

Входная дверь приоткрылась. Тамара Ильинична, накинув пуховый платок, вышла на крыльцо.

– Ну, что ты сидишь, мёрзнешь?

– Нормально всё, – махнул он рукой.

– Они всё равно приедут не раньше двенадцати. Отморозишь всё, на крыльце сидя.

– Иди в хату. У тебя что, дел мало? Ты еды наготовила? Чем сына будешь кормить? –

Иван Фёдорович забросал жену вопросами.

Тамара Ильинична отмахнулась от него рукой и закрыла дверь в дом. Несомненно, она была рада приезду сына, но простить его так и не смогла. Настолько лет выпасть из жизни семьи и не привозить внучку – эти поступки неподвластны ни логике, ни совести.

Тамаре Ильиничне в этом году исполнилось восемьдесят два года. Несмотря на столь почтенный возраст, ей до сих пор были подвластны все женские стихии: и работа, и дом, и семья. С мая по октябрь дни напролёт она проводила на рынке, торгуя овощами и зеленью из своего огорода. А все заработанные деньги дарила детям и внукам. Супруг был её второй правой рукой. Их трудовой дуэт был безупречен: пока один работает в огороде, второй торгует на рынке.

– Ненавижу зиму, – всегда говорила она, – вот что мне делать? Сидеть перед телевизором? Или сутками спать? Работы нет!

Единственным утешением была семья дочери, которая жила через две улицы. Юлия ежедневно навещала маму, стараясь помогать ей во всех домашних делах. Последний год забота о родителях стала её культом. Она отгородила их от всех повседневных дел, готовила им исключительно полезную по её мнению еду и пичкала их всевозможными витаминами и пищевыми добавками.

Родители во всём доверяли дочери. Они не спрашивали, что это за таблетка или зачем пить этот порошок, полностью полагаясь на её компетентность. Сперва такая резкая озабоченность их здоровьем пугала стариков. Просто последние годы ни одна из кровиночек интерес к родителям не проявляла. Именно поэтому внезапный визит сына удивил Тамару Ильиничну. Она была уверена, что вряд ли доживёт до их следующей встречи.

– Наверняка ему что-то понадобилось от нас, – сказала Юлия за день до этого. – Может, деньги?

– Не будь такой циничной, – мать грозно посмотрела на дочь.

– Ты всё ещё веришь в то, что маленький Владик раскается и приползёт к родителям молить о прощении?

– Ты же знаешь, что это Наташа промыла ему мозги! Как только он на ней женился, он перестал общаться с нами.

– А где были его мозги?

– Мужик, как осёл, где привязали, там и стоит! Просто есть упрямые, а наш ну совсем мягкотелый! Он с детства был такой.

Юлия лишь покачала головой.

Тамара Ильинична прокручивала в голове разговор с дочерью. Она понимала, что та права. Он сам виноват в своих грехах. Эта женщина лишь помогла ему раскрыться в полной мере. Она с грустью взглянула на семейную фотографию, стоявшую на столике. Молодые, красивые, живые лица Влада и Юлии смотрели на неё. В их глазах жила надежда на счастливое будущее и уверенность в том, что жизнь – это сплошная дорога увлекательнейших приключений.

Тамара Ильинична ласково провела пальцами по покрытому тонким слоем пыли стеклу портрета.

– Сынок, сынок, как же ты мог забыть меня? – она тяжело вздохнула, дрожащей рукой вытирая слезу.

Заснеженная «БМВ» резво подъехала к дому. Несмотря на встречный ветер, хлопья снега успели покрыть крышу и капот автомобиля. Влад вышел из машины и помог жене выбраться наружу. Наталья Васильевна надела лучшую из своих шуб, чтобы подразнить не только местных модниц, но и свекровь с золовкой. Она знала, что они обе на дух её не переносят, но это несколько её не огорчало, а, наоборот, лишь подпитывало это.

Ксения мирно похрапывала на заднем сидении автомобиля, забросив грязные сапоги на подголовник. Всю дорогу ей снился сон, в котором её учитель предложил ей руку и сердце, они поженились и уехали жить в Тибет. На её лице невольно появилась счастливая улыбка. Ксения не хотела просыпаться, поэтому уже минуту отталкивала руку мамы, повторяя: «Уходите все! Уходите! Теперь я не одна».

– Ксения, немедленно проснись! Ты опять наелась корня валерианы?

– Уходи! – повторяла она.

– Я тебе сколько раз говорила, не ешь валериану! Она слишком седативная! – Наталья Васильевна отвесила дочери оплеуху по щеке.

– Ты нормальная? – открыв глаза, спросила Ксения. – Мне же больно!

– А ты нормальная? Что за бред ты несёшь?

– Ты достала постоянно бить меня по лицу! Я уже взрослая! Иди на папе вымещай свою злость!

– Взрослая она! Ты хотя бы десять рублей сама заработай! Ничего не умеешь!

Наталья Васильевна нервно подкурила тонкую сигарету. Ксения нехотя вылезла из машины, складывая в рюкзак вещи, разбросанные на заднем сидении. Владислав, выгрузив багаж на землю, молча стоял и наблюдал за перебранкой жены и дочери. Он не особо слышал, о чём они спорят, думая о том, как посмотрит в глаза родителям. Он удивлялся своему поведению и настроению. Раньше совесть не беспокоила его. Она тихо дремала в недрах души. Но после встречи с братом что-то проснулось внутри. То, что щекотало нервы.

– Не могла покурить раньше? – с раздражением в голосе спросил он.

Наталья вопросительно приподняла ярко накрашенные чёрные брови.

– От тебя сейчас будет вонять сигаретами! А ты маму будешь обнимать.

– Ты как боялся матери двадцать пять лет назад, так до сих пор её и боишься, – она с презрением посмотрела на мужа. – Если боялся, надо было ещё лет десять посидеть дома, глядишь, и ехать не к кому было бы, – Наталья потушила сигарету о свежевыкрашенный забор.

Влад промолчал, но в глазах читалась ярость.

– Смотри не лопни от злости, – она пнула ногой калитку, – сумки не забудь забрать.

– Ну, здравствуй, сынок, – Тамара Ильинична крепко обняла сына. – Думала, не доживу до этого дня, – подолом старого фартука она вытерла слёзы.

Позади стоял отец. В его бездонных голубых глазах плескалось море невыплаканных слёз. Влад, опустив глаза, протянул ему руку. Отец схватил его за запястье и притянул к себе.

– Как же долго ты не приезжал! Как же долго... – его плечи затряслись, рыдания превали слова.

– Прости, батя, прости, – шептал он отцу, – если сможешь, прости.

Глава 6

*«Лучше тысячу раз сказать “люблю” и “прости”, чем потом
преклонять голову над каменной плитой и молить о прощении».*

Александр Петрович медленно покачивался в своём любимом кресле, листая свежую газету и наслаждаясь вкусом сигареты с кофе.

«Жаль, что у меня не три руки, – размышлял он, – ведь каждый раз, когда я ставлю чашку на столик, чтобы перелистнуть страницу, нарушается идиллия досуга. Надо бы придумать какую-нибудь подставку для газеты. Я её потом запатентую и буду продавать в книжных магазинах. Уверен, спрос на неё будет колоссальный!»

Александр Петрович прикрыл глаза, пытаясь детально продумать бизнес-план. Видимо, всё складывалось как нельзя лучше, так как от довольной улыбки усы, как гармонь, разъехались в разные стороны. Поток его мыслей прервал телефонный звонок. На экране высветилось «Зайчик».

– Здравствуй, зайчик, – улыбаясь, сказал полковник.

– Закрой рот!

– Фу, как грубо! Я к тебе со всей душой!

– Я просил тебя не называть меня так! – Беляк негодовал. – Вот я возьму и придумаю тебе такую обидную кличку, что ты вообще перестанешь со мной общаться.

– Боюсь-боюсь, – Александр Петрович звонко рассмеялся, – ты грозишься уже лет пять! Неужели у тебя настолько туго с фантазией, что ты так ничего, кроме «усача», и не придумал?

Беляк что-то невнятно пробубнил в трубку.

– Что хотел? – уже серьёзным тоном спросил Виноградов. – В это время дня ты звонишь исключительно по делу.

– Помоги с расследованием, – жалобным голосом сказал друг.

– Это по поводу серии краж магнитол из машин?

– Да.

– Я же тебе сказал, что не буду заниматься такой ерундой. У тебя в управлении людей мало?

– Людей не мало, а вот мозгов у них как раз таки маловато!

– Я даже пальцем не пошевелю из-за такой фигни!

– Это не фигня! Это уже целая серия. Работают настолько профессионально, что нет ни одной улики! Сто краж по городу! Сто! Только вдумайся в это число!

– Вот и ищите! – полковник пытался параллельно читать газету.

– В общем, не сможешь?

– Нет. Послушай, ты же не Бонни и Клайда ищешь? Если тут орудуют, как ты говоришь, профессионалы, то почему они весь свой талант пустили на кражи магнитол? Пусть бы тогда хотя бы машины воровали, я не говорю уже о банковских кражах.

Беляк молчал.

– Вот видишь, ты согласен. Наверняка, это группа прыщавых подростков, которым просто везёт. А какие улики ты хочешь? Парни выбирают места без видеонаблюдения, тёмное время суток, а в кармане у них всегда при себе парочка перчаток. Вот и вся схема.

– Я тебе это припомню! Ладно, тогда второй вопрос: вечером идём в баню?

– Да, как обычно.

– Тогда до вечера! И подумай по поводу магнитол!

Полковник положил трубку. Прикрыв глаза, он вернулся мыслями к своему изобретению.

Из полудрёмы его вырвал вновь звонивший телефон. На этот раз на экране высветилось «Юля».

«Интересно, что ей понадобилось от меня? – подумал полковник. – Она меня даже с днём рождения не поздравляет».

– Привет, сестра, – с искренней радостью в голосе сказал он. – Как жизнь?

– Саша, родителей убили! – слова как гром среди ясного неба прозвучали из трубки.

Александр Петрович подскочил с места.

– Что значит убили? Кто? Зачем? Почему? – вопросов было так много, что он не успевал озвучивать их.

– Я не знаю. Я пришла, а они мертвы, кто-то их задушил.

Полковник не верил своим ушам. Иван Фёдорович и Тамара Ильинична были для него как родные. После смерти его родителей, Тамара Ильинична заменила полковнику мать. Племянник стал фактически родным сыном. Поэтому новость об их смерти подвергла полковника в шок.

– Убили... – повторил он. – Как вообще можно убить стариков? Ты ничего не перепутала?

– Нет. Здесь уже работает милиция. Ты должен немедленно приехать. Ты лучший сыщик, я знаю, ты разберёшься...

– Конечно, я уже выезжаю. А где Влад с семьёй?

– Они уехали вчера вечером.

– Он побыл только день? Ладно, сейчас не об этом речь. Я выезжаю. Думаю, через часа четыре буду у вас.

Полковник положил трубку. И сразу же набрал номер Беляка.

– Серёжа, дорогой, мне нужна твоя помощь. Ты можешь бросить все дела и поехать со мной?

– Что случилось?

– Убиты мои родные дядя и тётя.

– О господи! Конечно, я уже выезжаю. Буду у тебя через двадцать минут.

Александр Петрович решил пока не говорить ничего Алле Владимировне и Насте. Он просто сказал, что хочет проведать родных в Мозыре. Собрав за пять минут сумку, он вышел из квартиры.

Глава 7

«Есть грехи, которые даже милосердный Всевышний, наверное, простить не сможет».

«Фольксваген», рассекая родные просторы, мчался навстречу беде. За окном то и дело мелькали луга и поля, покрытые белоснежным покрывалом. Погода была сказочной. Как будто Дед Мороз своим волшебным посохом прикоснулся ко всему живому. Мир в белом цвете казался девственно-чистым.

Александр Петрович, так искренне любивший зиму, не замечал чудес природы за окном. Внимательно следя за дорогой, он старался ехать спокойно. Ему хотелось нажать на педаль газа, разогнаться до двухсот километров в час, чтобы быстрее добраться до родного дома, вбежать на тётину кухню и увидеть её стоящей у плиты. Живой и невредимой.

– Этого не может быть, – снова и снова повторял он, – Юля, наверное, ошиблась.

Беляк сочувственно смотрел на друга, докуривая одну сигарету за другой.

– Серый, ну скажи мне, разве можно убить стариков? Это то же самое, что убить ребёнка!

– Может, ради денег? Кража, – Беляк старался отвечать уверенно, чтобы направить мысли друга в нужное русло.

– Да кто позарится на их дом? Ты сейчас сам увидишь эту избушку. Нет. Здесь другое.

Полковник нервно следил за убегающей дорожной полосой.

– Можно обворовать дом, пока они спят, или просто отключить их на время. Но убивать! Зачем? Они оказали сопротивление? Бред! – он закурил. – Маньяк? Тоже ерунда. Тогда кто?

– Подожди. Мы уже почти на месте. Я предупредил начальника Мозырьского РОВД, что мы едем. Он пообещал дать нам полный карт-бланш по делу и оказать любую помощь.

– Спасибо, дружище, – полковник благодарно посмотрел на друга.

– Ты прав. Действительно, этот дом не объект для кражи, – Беляк вылез из машины и внимательно рассматривал ветхое сооружение, построенное, наверное, ещё в дореволюционное время. Бледно-жёлтая краска уже лет десять как была выжжена солнцем. Деревянная «шуба» облупилась и местами была залатана самодельными балками. Время надругалось и над кровлей дома: шифер, поросший мхом, не менялся уже больше тридцати лет. Контраст создавали лишь стеклопакеты, установленные во всём доме.

Александр Петрович как будто прочитал мысли друга:

– Это я заставил их поменять окна, – полковник положил подбородок на калитку и посмотрел на дом, – они были в плачевном состоянии. Сквозило, как на пустыре. Старики ещё сопротивлялись, не хотели тратить деньги. Всё, что зарабатывали, отдавали внукам и детям.

– А внуки и дети слепые? – Беляк показал рукой на дом. – Или вон тот залатанный кусок крыши не бросается в глаза?

– Резонный вопрос, – Виноградов выгружал сумки из машины. – Задай его им при допросе.

– И поверь, задам! – Беляк вопросительно посмотрел на товарища. – Допросе? Ты думаешь, здесь замешана родня?

– Я пока ничего не думаю. Но под подозрением все. Все без исключения.

Полковник подхватил сумки и уверенной походкой зашагал в сторону крыльца. Перед входной дверью он остановился и еле заметно перекрестился:

– С Богом, – прошептал он и открыл дверь.

В доме всю работу сделали сотрудники милиции. Видно, звонок из столичного управления в местное РОВД сделал своё дело: количество правоохранителей было в разы больше, нежели их можно было бы наблюдать на обычном вызове. Эксперты тщательно изучали оконные рамы в надежде найти место проникновения преступника в дом. Но следов взлома не было. Аналогичная ситуация была и со входной дверью.

– Чисто, – сказал капитан, обращаясь к коллеге майору, – преступник не мог проникнуть ни через окно, ни через дверь.

– Остаётся два варианта: либо старики забыли закрыть дверь, либо у преступника был ключ.

– Второй вариант кажется мне более вероятным, – размышлял капитан.

– Почему?

– Дочка потерпевших сказала, что они были очень внимательны и всегда закрывали дверь, даже днём.

– Может, забыли. Ты только подумай, им было за восемьдесят! В таком возрасте можно забыть, как тебя зовут. Сегодня помню, завтра не помню. Мне тридцать три, а я уже забыл, что я ел на завтрак!

– С такой памятью ты в следующем году точно не пройдёшь медицинскую комиссию.

– Тьфу на тебя. Не каркай. Мне ещё служить и служить! – майор стряхнул пылинку с кителя.

Капитан ухмыльнулся и вышел из комнаты.

– Разрешите мне осмотреть трупы? – полковник обратился к сержанту, который как раз упаковывал тела.

– Конечно.

Полковник в последний раз взглянул на своих тётю и дядю. Таких родных и любимых. На их морщинистых, потрёпанных временем и тяжёлым трудом лицах, читалось спокойствие. Умирать им было не страшно. Скорее всего, они так и не поняли, что наступила смерть. Иван Фёдорович наверняка подумал, что провалился в глубокий сон, а Тамара Ильинична решила, что очередной кошмар одолел её сознание.

Александр Петрович почувствовал тёплую руку друга, упавшую на его плечо. Он постарался быстро собраться, отложив эмоции на потом и включив чуйку профессионала.

– Так, на шее следы удушения, – наклонившись к телу, сказал он, – скорее всего, они были задушены ремнём от брюк или каким-то резиновым жгутом. Смотри, Серый, следы не поверхностные, как от какого-нибудь платка или тряпки, а довольно-таки глубокие. Видишь, – он показал пальцем на область шеи, – остался явный след. Это точно было сделано не руками. От рук обычно остаются синяки или гематомы.

Беляк, наклонившись над телом, внимательно слушал полковника.

– Из этого следует, что кто-то подготовился к убийству заранее. Всё было спланировано.

– Согласен. Если бы это был экспромт, то в ход пошли бы руки. Убийца не стал бы возиться с ремнём или искать ещё более замысловатый предмет, наподобие резинового жгута.

– От этого дело становится понятнее, но, правда, ещё страшнее.

– О чём ты?

– Да всё о том же. Спланированное убийство плюс доступ к входной двери. Убийца кто-то из своих... – полковник пальцами приглаживал кончики усов.

– Это вопрос? – Беляк пристально посмотрел на друга.

– Нет. Это утверждение.

Юлия Ивановна сидела на родительской кровати в дальнем углу комнаты. Горе, не щадя, оставило отпечатки не только в её душе, но и на теле. Лицо было заплаканным, остатки косметики, как чернила по листу, растеклись по щекам. В плотном чёрном платье её осунувшееся тело выглядело ещё худее. Казалось, что всего за один день она сбросила килограмм десять.

Напротив сидел её супруг. Леонид Семёнович в грязных брюках и старом вязаном свитере устроился на краешке деревянной табуретки. Он был на работе, когда позвонила Юлия. Супруг был столь шокирован услышанным, что даже забыл переодеться в чистое. Так и не разгрузив машину с фруктами, он вскочил в свой грузовик и в считанные минуты приехал к родителям жены.

– Привет, Саша, – Юлия, подорвавшись с кровати, бросилась на шею к Александру Петровичу. – Саша, объясни нам, что это значит? Как это могло произойти с нашей семьёй? – её слова прервали рыдания.

Полковник обнял сестру.

– Я ещё толком ничего не знаю, но даю слово, что в течение недели я найду того, кто это сделал.

Леонид Семёнович с благодарностью посмотрел на полковника. Так дети смотрят на супергероев из фильмов или комиксов, зная, что те обязательно спасут мир, уничтожив зло.

– Юля, ты сейчас должна взять себя в руки и спокойно рассказать мне всё, что знаешь. Давайте выйдем на свежий воздух. Надевай куртку и пошли.

Морозный воздух бодрил. Александр Петрович достал из кармана новую пачку сигарет.

– Держи, – он протянул сестре сигарету. – Ты должна вспомнить и рассказать мне всё по порядку. Во сколько ты пришла к родителям, где лежали тела... Мне нужны все подробности. Может, им кто-нибудь угрожал? Ты проверила, всё ли на месте: деньги, украшения?

Из дома вышел Беляк.

– Познакомьтесь, это мой лучший друг, коллега по службе. Так что не стесняйтесь говорить при нём, он должен быть в курсе всего. Вы же помните, что меня отправили на пенсию, и лишь Сергей Васильевич может законно сопровождать это дело от начала и до конца.

Юлия и Леонид внимательно слушали полковника и кивали головой в такт его словам.

– Я позвонила маме в восемь утра. Я каждый день звоню в это время. Она не подняла трубку. Я подумала, что они ещё спят, и решила набрать чуть позже, – Юлия стряхнула пепел на землю, испачкав белоснежный снег. – Когда на следующие десять звонков никто так и не ответил, я начала бить тревогу. Через пятнадцать минут я была уже здесь.

– Во сколько это было?

– Около десяти утра. Дверь была не заперта, и я подумала, что родители где-то во дворе или в сарае. Когда я вошла в дом, то увидела, что они ещё не вставали, – она крепко затынулась сигаретой, стараясь сдержать слёзы. – Меня будто током ударило. Я ещё не видела их лиц, но знала, что случилась беда. Я подошла ближе к кровати и увидела, что они мертвы.

– Ты не проверяла пульс? Как ты поняла, что они мертвы?

– Нет, не проверяла, но была уверена, что мертвы. Когда я взяла отца за руку, она была, как лёд, холодная.

– Ты сразу вызвала милицию?

– Сначала всё было как во сне. Но потом я пришла в себя и стала мыслить логически. Почему они оба мертвы? Такое ужасное совпадение? Не может быть, – Юлия погрузилась в воспоминания. – Потом я отодвинула одеяло и увидела жуткие синие следы на шее. Я закричала и, выбежав из дома, позвонила в милицию. А потом набрала тебе. Всё.

Александр Петрович, достав из кармана записную книжку, сделал пометки:

Тела обнаружены в 10 утра.

– Серёжа, какое предположительное время смерти?

Беляк заглянул в протокол.

– С двух часов ночи до четырёх утра. Смерть наступила в результате удушения, – Беляк цитировал строки протокола.

Юлия Ивановна закрыла лицо руками и зарыдала.

– Я не верю, не верю, что это происходит с нами!

– Возьми себя в руки! – Александр Петрович был собран и решителен. – Ты проверила, не пропало ли что-нибудь?

– Всё на месте. А деньги мама на хранение отдала мне. Поэтому в доме ничего не было.

– Бред какой-то, – прошептал Виноградов. – Зачем кому-то убивать стариков? Значит, было в доме что-то ценное, о чём ты не знаешь! – Александр Петрович начинал нервничать.

– Мама мне полностью доверяла! Я знала обо всех их доходах и сбережениях. Вспомнила! Когда я зашла в дом, что-то меня смутило...

– Что? – в один голос спросили все трое мужчин.

Юлия махнула рукой, чтобы они следовали за ней, и побежала к дому. Прямо в обуви она забежала в зал и, остановившись посреди комнаты, замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.